

Диктант длиной в одно предложение

В.М. Букатов

Было это лет четырнадцать назад, в школе Тубельского. Там тогда работала Лидия Константиновна Филякина (при упоминании ее имени мне всегда хочется добавить: одна из самых замечательных учительниц всех времен и народов).

В то время она курировала молоденькую учительницу, которой с трудом давались педагогические премудрости. Вот Лидия Константиновна меня и попросила прийти во второй класс и показать, что такое «живое общение детей» на уроке и как его можно организовать: «А то моя подшефная жалуется, что класс ей достался вялый и безынициативный. И играть-де они не любят, и в командах работать не хотят».

Ну я и пришел с «диктантом на дружбу». Кроме хозяйки класса, на последней парте сидела ее подруга – учительница третьего класса (у нее было «окно»).

Шум-гам-тарарам

Я был предупрежден, что класс якобы пассивный, поэтому начал со «спартанского» воспитания – перестановки парт силами учеников. Все парты сдвигались по две для работы четверками, причем одна из них переворачивалась на 180 градусов, чтобы сидеть было удобно (иначе фронтальные планки мешают ногам и сидящим неудобно писать). Молниеносно возник шум-гам-тарарам.

Молоденькие учительницы попытались было помочь дяде справиться с дисциплиной, но я бросил в их сторону столь выразительный взгляд, что они прикусили язычки и, как мышки, притаились за последней партой.

Наконец детишки расселись и слегка утихомирились. Но не надолго. Просьба приготовить тетради для

диктанта привела их в прежнюю активность. Впопыхах они даже не успели испугаться этого самого диктанта. Многие с любопытством глазели на одноклассников – они так привыкли видеть перед собой затылки, что лицезрение сидящих напротив соседей уже повергло их в некое гипнотическое состояние.

Видя, что кто-то уже стал что-то писать у себя в тетрадях, тормозившие сообразили, что написать надо слово *Диктант*, а на следующей строчке: *Один за всех и все за одного*. С грехом пополам большая часть класса с подобной каверзой справилась.

Про Лавра и Фрола

Потом, если мне не изменяет память (а она все чаще изменяет!), я использовал приемчик «Кто меня слышит» – когда учитель начинает подавать различные забавные команды очень тихим голосом. Кто меня услышал, помахали ручкой, хлопнули в ладоши (привлекая внимание зазевавшихся), глянули на потолок и в заключение все как один уставились на меня.

Пользуясь возникшей тишиной и вниманием, я сообщил что диктант будет очень легким – всего-то одноединственное предложение. И диктовать его я буду не по словам, и не двадцать раз подряд, а только один раз. И дальше поинтересовался: «Вам перед началом диктанта текст полностью читают?» И, получив утвердительный ответ, пулеметной очередью протараторил изумленным второклассникам скороговорку: «Была у Фрола, Фролу про Лавра наврала, пойдут к Лавру, про Фрола Лавру навру».

Эту скороговорку я научился тараторить еще в школьные годы, когда ходил в театральную студию. Без тренировки такое даже медленно сказать трудно. А уж когда скороговоркой... Получается смешно: все вроде бы по-русски и понятно, а повторить невозможно.

Продолжаю: «Я сейчас текст вам сказал, но это для ознакомления, это не в счет. Конечно, самому его запомнить трудно. Но вас же много: один од-

но запомнил, другой – другое. Если все вместе собрать – с миру по нитке – вот и получится диктант. Главное, о товарищах не забывать – то им вовремя подсказать, то у них вовремя спросить. Ну, – говорю, – запоминайте, диктую последний раз».

И как ни в чем не бывало выпаливаю с прежней скоростью предложение от начала до конца без единого сучка и задоринки.

Кто – «на ус», кто – «мимо ушей»

Некоторые тут же бросились писать. Понятное дело – пока не забыли. К ним стали присоединяться соседи. И началось:

- У тебя же *флала* написано!
- Так и надо *флала*!
- Так с большой же буквы надо! Имя!!!

– Имя *флала* не бывает! – и, поворачиваясь к соседнему гнездышку, спрашивают: – Что такое *флала*?

А те заняты выяснением, какое кто слово запомнил, чтобы фразу правдоподобнее слепить.

А вон в той команде идет дискуссия о том, как пишется у Фрола имя: через *о* или через *а*. А другая выясняет, *о* или *а* пишется в слове наврала...

А я, курсируя между гнездами, так и сыплю подсказки-намеки на-

право и налево... Кто-то услышал, что есть такие старинные имена – Фрол и Лавр. Кто-то – что сочетание звуков *про Лавра* очень каверзно и его трудно произносить нетренированному языку. Кто-то – что какой-то человек наврал сначала одному про знакомого, а потом собрался к этому самому знакомому прийти, чтобы «с три короба» наврать ему про первого.

Кто «на ус мотает», а кто «мимо ушей пропускает», потому как делом занят. Занятого делом нужно уважать. Я и уважаю – иду мимо, не мешаю – не трогаю. Пусть человек работает. Надо же ему вдоволь *наошибаться*, прежде чем он свои ошибки за километр начнет чувствовать!

До кого мои подсказки доходили, тут же начинали, вытаращив глазенки, делиться своими филологическими соображениями с другими. Те слушали разинув рот, время от времени выдвигая свои собственные версии.

Сколько у тебя правильностей?

Спорили друг с другом долго. Наспорились на неделю, а текста в тетрадях появилось мало. Да и то – все больше каракули и исправления.

За двадцать минут до конца урока я утрированно грозно командовал: «Стоп! Что есть – то и есть! Все поставили точку и провели черту под написанным. Теперь сложили тетради в открытом виде стопочкой».

Начался этап проверки. Проверять было особо нечего. А потому все проверяльщики принялись под мою диктовку украшать чужие тетради шедеврами про Лавра и Фрола. Ну а я, в свою очередь, постарался и вовремя подсказать, когда с большой буквы надо писать, и о проверочном слове напомнить. Ведь образец должен быть образцом.

Постарались второклашки на славу! А потом судьи стали сверять образцы с написанным. Но выискивали они вовсе не ошибки, а ПРАВИЛЬНОСТИ, то есть то, что автору диктанта удалось-таки написать правильно.

Сами понимаете, некоторых тут ждали весьма приятные неожиданности...

На всех не угодишь

В результате урок получился, что называется, чумовой! Наговорились детишки досыта. Многие даже раскраснелись. Многие даже устали. Разумеется, не все. Были и те, кто сновал из коридора в класс и обратно, демонстрируя свою неумную жажду деятельности. Но и те, и другие были явно довольны. Не звонком, не переменной, а собой, своей командой, своим классом, своей жизнью.

Да и хозяйка выглядела довольной. Она улыбалась, контрастируя с озабоченным видом своей подружки. Мы втроем переворачивали столы, возвращая их в традиционные ряды. (На уроке я сделать это не то чтобы не успел – не захотел: интуиция подсказала, что для первого раза достаточно. Не ломать же руками детей ту мизансцену, которую они выстроили и которая им явно стала дорогой. Поэтому мне показалось, что правильнее будет, если столы расставят по местам взрослые.)

И вот подружка, которая, заглянув во время «окна» к соседке в класс,

стала невольной свидетельницей нашего социоигрового авангарда, начала подчеркнуто сухо (видимо, сдерживая раздражение от снующих под ногами детишек) выговаривать мне, что, во-первых, на уроке было очень шумно и все уроки проводить так нельзя – дети переутомятся.

Во-вторых, она сомневается, что в таком бедламе дети когда-нибудь смогут научиться писать не только грамотно, но хотя бы чисто.

– Вы посмотрите, какую они грязь в тетрадах развели! – округлив глаза, почти стонала она. – Ну а уж заставлять детей выписывать такие слова, как *наврала*, да еще не один раз, – это просто антипедагогично!

Чтобы читатели не судили подружку-учительницу слишком строго, напомним, что за окнами тогда шел всего лишь четвертый год спущенной сверху *перестройки*. Да и доктором педнаук я тогда еще не был, а всего лишь свежеиспеченным кандидатом, каких много тогда по школам шаталось. Мало ли кто из них какой бред предложит? А программа есть программа. И от нее в школе никто учителя еще не освобождал, тем более в начальных классах!

Ну что тут спорить?.. Мне только и оставалось, что радоваться хотя бы тому, как все увиденное было воспринято самой хозяйкой.

Расставив школьную мебель по местам, поблагодарив девушек за внимание, кивая направо и налево детским «до свиданьям» и разводя руками на бесконечные «А вы к нам еще придете?», я помчался в учительскую курилку, где меня уже поджидала, «сгорая от любопытства», улыбка моя дорогая Лидия Константиновна.

Вячеслав Михайлович Букатов – доктор пед. наук, Институт художественного образования РАО, г. Москва.